Мисин Андрей

10.9.94.

Культура. – 1994. – 10 сент. – с. 12.

В нашей гостиной

Андрей Мисин:

«Я ЛЮБЛЮ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРОГО НЕТ...»

Кто-то сказал, что он христианин в стане язычников, кто-то — что его преследует тень Мусоргского... И то, и другое по-своему верно, но до конца не определяет нашего персонажа, Андрея Мисина. Как всякий истинно русский человек, он загадочен и до конца не может быть открыт. Я же сделала попытку хоть чуть-чуть проникнуть в глубь его души...

— Андрей, мне прежде всего интересно, на чем построена твоя стилевая шкала! Ведь твоя музыка сильно отличается от того, что у нас сейчас пишут...

— Ну я ее никогда не определяю.

— Но на что-то же ты, наверное, ориентируешься!

— Я жил-жил, учился-учился, пропускал уроки — о чем сейчас жалею,—заканчивал консерваторию... И все это казалось мне каким-то нереальным. Но вдруг я начал сочинять музыку, ту, какую сочиняю сейчас. И мне очень повезло — только я начинал писать, как один умный человек сказал мне: «Когда сочиняешь песню, никогда не задумывайся над тем, что ты делаешь, иначе сразу начнешь писать в угоду обществу». Вообще существуют две формы работы: по вдохновению, когда тебя просто тянет к инструменту, и на заказ — в угоду обществу.

— В том-то все и дело. Если музыка, которую ты писал для себя, совпадет с ситуацией, которая происходит в стране, то можешь считать, что выполнил свой гражданский долг. Уместно ли тогда здесь понятие «шлягер»!

— Мы привыкли к советской массовой песне, той, которая всеми поётся. Но, простите меня, сколько в мире образцов музыки, которая не поется, но тем не менее занимает первые места в хит-парадах! Классический пример—группа «Пинк Флойд». Кто-нибудь смог когда-нибудь от начала и до конца спеть песню «Money»? Никто. А она очень долгое время занимала первые места хит-парадов. Как это объяснить? Шлягер ли это? Это хит! А мы не различаем таких понятий. Хит — это, как правило, произведение искусства, чего нельзя сказать о шлягере.

— Может, все-таки все зависит от градации! Ведь есть же музыка массовая и элитарная, популярная и т. д.!

— Понимаешь, не бывает музыки массовой и немассовой, потому что сам человек не может все время слушать одну и ту же музыку. Все зависит от настроения.

— Наверное, ты говоришь про идеального человека!

— Я говорю про любого человека. Если мы сейчас начнем ориентироваться только на кооператоров, только что отсидевших в лагерях и насвистывающих лагерные песенки, или же только на симфонистов, которые никогда в жизни не выходили за пределы консерватории, то мы будем о-очень убогими людьми. Нормальный человек слушает и смотрит все.

— Тогда расскажем о своей публике...

— Публика — это удивительное создание! Мне кажется, что меня публика если не любит, то по крайней мере уважает. Откуда возникли взаимоисключающие выражения: «Публика дура» и «Публика всегда права»? Это же извечная проблема художника и толпы! В моей песне «Чужой» три паузы. Так вот, раньше в этих паузах я слышал нехорошие выкрики из зала типа «козел», а то и хуже... Долго пытался переубедить народ. А то было дело — полгода ездил с «Фристайлом». Представляешь себе такое сочетание, да? Пою одну песню, потом минут двадцать «Фристайл» работает. Зал точно мертвый был: не понимал, зачем я вышел? Вообще, стихи совпадают с мировоззрением человека, поэтому ему больно, когда его не понимают. В этом плане мне легче, потому что я пытаюсь раскрывать души людей.

— Раз уж зашла речь о совместных выступлениях, то такой вопрос: вспомним 90-й год, твои концерты с Талько-вым...

— Господи, мне часто вопрос о нем задают... Видимо, сложилось впечатление, что я его большой друг, хотя начинали мы втроем. Игорь, Саша Малинин и я. Игорь был защитником чести и совести. Помню, как в Питере он вступился за Аллу Борисовну... Он был чистой воды лирик. Имею достоверные сведения о том, что его смерть была случайной: обычная бытовая разборка. Каждый год на его день рождения ездим в Тулу, собираем там небольшой концерт. Все деньги отдаем его вдове Тане, и это не афишируем — такое делается тихо, скромно и с достоинством.

— Андрей, а есть ли в твоей работе различие между долгом и призванием!

— Долга нет никакого. По этому поводу очень правильно сказал Гнатюк: «Долг — это десять заповедей. Другого долга не существует. Как только ты изменишь одной из них, ты сразу превратишься в существо с отрицательной энергией...». Артисты, как и художники, бывают двух направлений: либо реалисты, либо сюрреалисты.

— А романтики!

— Нет, есть только эти две большие градации. Все остальное — эмоции, краски, дуновение ветерка... На самом деле мир либо реален, либо ирреален...

— А почему в твоих песнях так много грусти!

— Ну как много грусти? Потому что я русский человек! А русским свойственно грустить.

— И веселиться тоже...

— Русских бы я разделил на две категории: любители балалаек, частушек, топотушек и другая—любители русской лирической протяжной песни. Протянуть можно только лирику, а веселость нельзя. Недаром буква «и» — эпическая буква. Один поэт удивительно точно написал: сказавший «а-а-а» — лирик, сказавший «и-и-и»—эпик, сказавший «я»— смертник, а догнавший сказанное — Бог.

— В современной молодежной культуре, хотим мы этого или нет, присутствует европейская музыка да и та не в чистом виде, а с примесью тех же латиноамериканских мотивов. В ночных клубах крутят эту музыку, а молодежь охотно под нее танцует. Идет нашествие на Россию!

— Ради Бога! Это отдельный вид музыки, так называемая dance-music. Я счастлив, если будут танцевать под красивую музыку. Но только под красивую, нормальную, а не под цыганщину—а ля Вадим Казаченко... Чего в его песнях только не понамешано! Это наш национальный советский симбиоз, нами придуманный. И мы его любим. А когда спрашивают: что такое русское? — все начинают чесать затылки. Ведь Георгий Пономаренко — это тоже не исконно русское, а советское с элементами фольклора.

— И потому ты не исполняешь фольклор, как таковой!

— Я его, можно сказать, даже плохо знаю. Мои родители тоже слушали песни Пономаренко, и, когда он подарил им свою пластинку, те были счастливы до безумия. Я запомнил эти песни, но повлияли на меня они косвенно. Играя в разных коллективах, я никогда не мог «снять» чужую музыку. Мне это было неинтересно. Ты можешь быть только тем, чем тебя создал Бог, как бы ты ни старался быть Бетховеном. Образование здесь — очень относительная вещь. Я прошел консерваторию и прочие школы, но так и остался Андреем Мисиным, и радуюсь тому, что мне удается что-то сказать сегодня слушателям. Я на репетицию иду со страхом, потому что никогда не знаю, как будет звучать моя новая песня, такая, как, «Я люблю человека, которого нет». Сочетание «эсовбейсовской» мелодики с чисто русским музоном — это так необычно. Да, там еще много чего понамешано! Кайф в том, что я один это делаю.

— Андрей, но ведь ты же и свою версию русского языка навязываешь...

— Это то, что называется авторским прочтением. Я пытался дать свою песню кому-нибудь спеть, но ничего из этого не вышло. Долго не мог понять, в чем тут дело? А все очень просто: это только мои песни. Например, в США я выхожу и говорю: «Я — композитор и петь вам буду композиторским голосом». Зал смеется. Но после концерта ко мне подходят и говорят: «У нас в стране нет такого понятия «профессионал». Но если ты можешь свою мысль выражать так, что она и нам становится ясна, значит, ты и есть профессионал...».

— Сегодня жизнь состоит из сплошных фестивалей. Ты сторонник такой жизни!

— Еще какой! Сколько я уже прошел подобных испытаний, а ведь абсолютно не верил в себя! Ведь это не только праздник, но и труд. В 1989 году я выступил на сцене шесть раз: три раза на «Ступени к Парнасу» и три — в «50Х50». Без какой-либо практики выходить столько раз на сцену невозможно. Да и не знаешь, как себя вести... У меня в то время не было денег даже на одежду к концерту. Хорошо, что отец кое-что подарил, а то бы я босиком выступал.

— А в этом что-то есть.

— Как знать, мой друг, как знать...

Беседу вела
Алена СНЕЖИНСКАЯ.